

На правах рукописи

ЛЕБЕДЕВА Галина Викторовна

ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ КАК ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРЫ

Специальность 09.00.13. – «религиоведение, философская
антропология, философия культуры»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург - 2006

Работа выполнена на кафедре этики, эстетики, теории и истории культуры Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им А.М. Горького».

Научный руководитель: кандидат философских наук, профессор
Эйнгорн Нонна Константиновна.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Трубина Елена Германовна;

доктор философских наук, профессор
Вершинин Сергей Евгеньевич.

Ведущая организация: ГОУ ВПО "Уральский государственный педагогический университет".

Защита состоится «___» _____ 2006г. в ____ час. на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького по адресу: 620083, г.Екатеринбург, пр.Ленина, 51, ком. 248

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «___» _____ 2006г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

В.В.Ким.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность темы

диссертационного исследования обусловлена целым рядом причин.

Во-первых, память всегда имела непреходящее значение в жизни, как отдельного человека, так и общества в целом. Обнаруживая связь и преемственность прошлого, настоящего и будущего, она является важным способом формирования и поддержания коллективной и персональной идентичности. В условиях ускорения темпов социокультурных изменений и увеличения форм репрезентации прошлого, память перестает мыслиться как целостное образование, обнаруживая множество форм и проявлений. Таким образом, проблема памяти и забвения, возникшая в глубинах реального социокультурного опыта, становится предметом философской рефлексии именно в силу своей особой значимости для самоидентификации как человека, так и общества в целом.

Во-вторых, указанные социокультурные трансформации сопровождаются изменениями в современной философии. Проблемная ситуация, актуализировавшая исследование памяти и забвения как феноменов культуры, определяется, прежде всего, существующим эпистемологическим разрывом, наметившимся в философии культуры XX века. В этот период обнаружился кризис монизма традиционных методологий, вступивших в противоречие с множественностью ипостасей реального мира, с плюрализмом и релятивностью ценностей и культур. В результате, возник интерес к тем феноменам, которые на протяжении столетий систематически вытеснялись из сферы собственно философского анализа (забвение, смерть, аффект и т.д.). Память и забвение как атрибуты культуры перестают быть периферийной темой общих размышлений – они предстают в качестве весьма значимой проблемы философского исследования.

В-третьих, социокультурные и политические проблемы современной российской действительности придают указанной тематике особую остроту:

политическое и юридическое сведение счетов с прошлым; критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных воспоминаний; смена идеологии забвения идеологией памятования и национально-культурного наследования и преемственности культур; активное развитие мемориальных практик и генеалогических изысканий; повышенное внимание к сбору архивов и открытию «памятных мест» – все это является свидетельством того, что перед российским обществом стоит вполне ощутимая потребность в формировании системы представлений и идей, репрезентирующих «коллективную память» народа.

Степень разработанности проблемы. Отсутствие специальных работ, непосредственно посвященных комплексному изучению памяти и забвения как феноменов культуры, определили круг источников, к которым мы обращались в процессе диссертационного исследования.

Первую группу составляют работы, в которых представлен анализ культуры как целостности, а также механизмов культурного наследования и памяти. В рамках структурно-семиотического подхода (А.К. Байбурин, Ю.М. Лотман) память определяется как структура, генерирующая прошлое. Аксиологический подход, согласно которому память характеризуется как хранилище ценностей и смыслов культуры, широко представлен в исследованиях отечественных мыслителей: А.Ф. Еремеева, М.С. Кагана, Д.С. Лихачева, В.И. Плотникова, Э.Ю. Соловьева, Н.К. Эйнгорн и др. Феномен «нравственной памятности», наиболее полно раскрывающийся в диалоге культур, концептуально разработан в трудах М.М. Бахтина, В.С. Библера. Необходимо отметить исследования, посвященные анализу искусства памяти (Ф.А. Йейтс, П.Х. Хаттон) и искусства забывания (Х. Вайнрих).

Культурно-антропологический подход к исследованию проблем памяти и забвения, а также рассмотрение трансформаций памяти и забвения в современной культуре в связи с проблемами формирования идентичности и

автобиографии представлены в работах В.Г. Безрогова, В.В. Бычкова, Л. Гудкова, П.С. Гуревича, Н.Н. Козловой, Е.Г. Трубиной и др.

Базисной в философском исследовании проблем памяти и забвения явилась группа работ, в которых применяется феноменологический подход: труды Э. Гуссерля, связавшего проблемы памяти и сознания; М. Мерло-Понти, который ввел проблематику «памяти» и «забвения» в контекст «телесности», отношения «Я-Другой»; П. Рикера, представившего феноменолого-герменевтическое осмысление трех основных тем: памяти, истории и забвения; Э. Левинаса, предложившего этическое осмысление феноменологии памяти и забвения.

Обоснование гипотезы о конструктивном характере прошлого, транслируемого памятью, потребовало обращения к работам П. Бергера, Т. Лукмана, Н. Лумана, А. Шюца, разрабатывавших социально-феноменологический подход. В том же направлении, но с большим вниманием к социокультурному контексту, характеризуются исследования Я. и А. Ассман, посвященные феномену культурной памяти как форме передачи и актуализации смысла культуры, в связи с практиками конструирования прошлого. Риторика памяти в контексте обращения к дискурсивным практикам представлена в работах М.Фуко, где помимо памяти-архива вводится понятие «контр-памяти», репрезентирующее проблему соотношения власти и истории.

Следует также отметить исследования, посвященные осмыслению памяти и забвения, в рамках психоаналитической традиции: от классического психоанализа З.Фрейда, реабилитирующего смысл забвения, теории архетипов К.Г.Юнга до концепции Т. Адорно, связанной с анализом концептов: «комплекс вины», «проработка прошлого» и др.

Необходимость выявления специфических характеристик памяти и забвения как феноменов культуры побудила автора обратиться к исследованиям по истории ментальностей, проведенным французскими историографами: М. Агюльоном, Ф. Арьесом, П.Нора; немецким исследователем О.Г. Эксле. В рамках указанного подхода проблемы памяти и

забвения представлены через «практики коммеморации», регулирующие отношения к умершим поколениям (практики поминовения умерших).

При анализе роли и значения памяти и забвения в процессах передачи (трансляции) социокультурного опыта были использованы работы, в которых рассматриваются социальные основания памяти и забвения. Рассмотрение феномена «коллективной памяти» впервые было осуществлено в работах М. Хальбвакса. Из современных социологических исследований, продолжающих указанную традицию, отметим труды Х. Вельцера, К. Уайкема, Дж. Фентресса, М. Ферретти, Б. Шлинка. Различные аспекты проблемы, связанной с рассмотрением феномена социальной памяти в современной России, получили свое освещение в трудах С.Е. Вершинина, Г.Е. Зборовского, А.А. Кара-Мурзы, И.С. Кона, А. Левинсона, О. Никоновой, Н.Л. Пушкаревой, Ж.Т. Тощенко и др.

Однако при всех достоинствах указанных работ, остаются неразработанными концептуальные основы исследования феноменов памяти и забвения как целостных социокультурных явлений духовной жизни.

Цель и задачи исследования.

Целью данной работы является рассмотрение памяти и забвения как феноменов культуры в аспекте анализа практик, конструирующих социокультурное пространство и время. Достижение этой цели в рамках диссертационной работы осуществляется посредством решения ряда **задач**:

- Рассмотреть основные методологические подходы к исследованию памяти и забвения, сложившиеся в рамках западноевропейской и отечественной философии;
- Исследовать особенности и теоретические границы двух парадигм в описании проблем памяти и забвения: классической и неклассической;
- Обосновать возможность рассмотрения памяти и забвения как социокультурных феноменов через обращение к практикам памятования и забывания;

- Исследовать практики «ars memorativa» и «memoria» как способы конструирования социокультурного пространства и времени;
- Выявить возможности и границы этического описания феноменов памяти и забвения на основе анализа практики «memoria».

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является память как социокультурный феномен.

Предметом исследования являются трансформации практик памятования и забывания в культуре.

Методологические и теоретические основания исследования определились с учетом междисциплинарного характера исследования.

Принцип целостного анализа культуры (В.В. Библер, В.В. Бычков, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман) позволил осуществить рассмотрение памяти и забвения как феноменов культуры на предельно широком философско-культурологическом фоне. Принцип историзма, распространяемый на эволюцию осмысления соотношения памяти и забвения, привел к обнаружению и демонстрации значения практик «ars memorativa» и «memoria» в процессе социокультурных трансформаций. Использование аксиологического подхода позволило автору выявить и проанализировать взаимосвязь рассматриваемых феноменов с различными ценностными ориентирами той или иной культуры.

При анализе философских концепций памяти и забвения в первой главе нами использовался компаративистский подход, позволивший выделить две основные парадигмы в рассмотрении феноменов памяти и забвения: классической и неклассической (В.В Ильин). При решении поставленных в исследовании задач, мы опирались на герменевтику как метод интерпретации смыслов (В. Дильтей, П. Рикер), толкования и соотнесения идей с культурным и мировоззренческим контекстом. При описании памяти и забвения в качестве практик, конструирующих социокультурное пространство и время, нами использовался социально-феноменологический метод, разрабатываемый Я. и А.

Ассман применительно к анализу культурной памяти, а также, топология П. Бурдье, указывающая на телесный характер культурных практик памятования и забывания, реализующихся в процессе взаимодействия людей. Выбранная методология позволила уйти от статичного образа культурной памяти и, в целом, придала пониманию культуры процессуальный характер.

В качестве материала для исследования автором привлечен ряд работ, которые на данный момент не переведены на русский язык: фрагменты работ Дж. Фентресса, К. Уайкема, Ф. Барлетта, А. Нила.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- Обоснована необходимость изучения памяти и забвения в качестве основополагающих феноменов культуры;
- На основе анализа методологических подходов к исследованию памяти и забвения в философии выявлены две парадигмы – классическая и неклассическая;
- Исследована динамика соотношения памяти и забвения в рамках философского подхода, что привело к формулировке двух соперничающих версий забвения: необратимое забвение как стирание следов, уничтожение и смерть (Аристотель, Дж. Локк и др.); обратимое забвение как резерв, способ утаивания прошлого (А. Бергсон, З. Фрейд и др.);
- Предложено определение памяти как структуры удержания прошлого в настоящем, направленной на конструирование социокультурного пространства и времени, смысл которой задается различием воспоминания и забвения;
- Выявлена логика трансформации практик «ars memorativa» и «memoria» в культурно-историческом контексте;
- Доказана необходимость этического осмысления феноменов памяти и забвения, как открывающего эвристические возможности для рассмотрения принципов культуры памяти.

Практическая значимость работы. Полученные результаты могут находить применение при анализе причин, непосредственно влияющих на воспроизводство и динамику различных типов культур, для разработки и воплощения реального многообразия культурных практик памятования и забывания. Результаты диссертационного исследования могут применяться при чтении лекций и специальных курсов, затрагивающих проблематику памяти и забвения в разных социально-гуманитарных дисциплинах (философии культуры, этики, философской антропологии, культурологии, истории и др.), а также в реальной практике воспитания культуры памяти и забвения.

Апробация диссертации. Основные идеи исследования представлены в научных тезисах и статьях, а также артикулированы в виде докладов и сообщений на научных конференциях (Екатеринбург: Гуманитарный университет 2002-2006; Уральский государственный университет им. А.М. Горького 2002-2006; Уральский государственный педагогический университет 2003-2005; Уральский институт туризма 2006, Москва: Российский государственный гуманитарный университет 2006). Основные идеи и выводы диссертации были использованы автором при чтении специальных курсов для студентов очной и заочной форм обучения на философском факультете Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры и была рекомендована к защите.

Структура диссертационного исследования соответствует поставленным целям и задачам, последовательное решение которых отражено во введении, трех главах, заключении и списке использованной литературы. Содержание изложено на 168 страницах, список литературы содержит 170 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования; освещается степень ее разработанности; определяются объект, предмет и научная новизна исследования; ставятся цель и задачи, определившие общую направленность исследования; указываются теоретические и методологические основания диссертации, показывается ее теоретическая и практическая значимость; определяется структура работы.

В **первой главе** диссертации **«Память и забвение: история и методология проблемы»**, состоящей из трех параграфов, выявляются методологические контексты употребления понятий «память», «забвение», «воспоминание»; преимущественные способы их описания и подходы к истолкованию, сложившиеся в рамках западноевропейской философии.

Первый параграф: «Проблема памяти и забвения в философии» позволяет определить понятийную базу для исследования. В данном параграфе раскрывается специфика философского анализа феноменов памяти и забвения. На протяжении XIX - пер. половины XX вв. воспоминание и забвение рассматривались преимущественно с психологической точки зрения в качестве познавательных процессов в рамках общей психологии памяти (Г. Эббингауз). На основе анализа понятий «память» и «забвение» утверждается, что указанные понятия обозначают в культуре совокупность таких явлений духовной жизни, которые по своему смыслу гораздо шире психологического толкования. Память в диссертационном исследовании рассматривается как тотально проявляющийся в культуре феномен, обозначающий себя через свои различные формы. Рассмотрение соотношения память - забвение как философской проблемы позволяет не только определить изменения в представлениях о данных феноменах в различных типах культуры, но и ставит саму проблему в зависимость от той или иной концепции или философской школы, к которой относится рассматриваемая теория.

Второй параграф: «Классические теории памяти: память как «хранилище» прошлого» посвящен определению теоретико-методологических оснований философской концептуализации феноменов памяти и забвения. В рамках философской рефлексии исходными явились следующие теории памяти и забвения: 1. теория Платона, сконцентрированная на проблеме соотношения *eikon* (образа) и *typos* (места); 2. теория Аристотеля, в которой совпадают друг с другом анализ памяти и времени. Античная линия противопоставления воспоминания как знания и забвения как стирания или уничтожения оказала большое влияние на дальнейшее развитие всей европейской философии. Во-первых, были четко заданы онтологический (Платон) и психологический (Аристотель) ракурсы рассмотрения проблем памяти и забвения в рамках описания процессов познания и воображения. Во-вторых, содержание памяти оказывается связанным с восприятием времени, что станет определяющим моментом в феноменологическом анализе памяти и забвения. В-третьих, задается «негативное» восприятие забвения как стирания следов памяти и уничтожения знания, поэтому в оппозиции «воспоминание–забвение» определяющее значение получает воспоминание. Обе традиции дали начало осмыслению: 1. искусства памяти, основанного на соблюдении правил мест и образов - техники, создающей пространства памяти; 2. культуры памяти, основанной на допущении о временности и ограниченности человеческого бытия перед лицом смерти.

В рамках средневековой христианской традиции память и забвение попадают в контекст социально-исторической проблемы судьбы человечества и свободы человека. В таком контексте они становятся герменевтическими категориями для истолкования истории жизни человека перед лицом Бога (Августин). Оппозиция «воспоминание» - «забвение» становится не просто неким представляющим отношением с познавательными функциями, а оценочной операцией сравнения. В последнем случае, память понимается как мессианический проект, как пропедевтика спасения (Дж. Агамбен). Воспоминание трактуется как погружение в себя, открытие «внутреннего

человека» (Августин) – подлинного естества человека, имеющего божественное происхождение. Поэтому стремление к «совершенной памяти» есть одновременная направленность на постижение Бога. Соответственно, забвение возникает как следствие нарушения связи человека с Богом и рассматривается как ущербность и наказание за первородный грех.

В последующие эпохи прослеживается приверженность к античной трактовке оппозиции «вспоминание-забвение», с четко заданным гносеологическим ракурсом рассмотрения проблемы. С Нового времени задается иной методологический способ интерпретации «памяти» и «забвения»: память трактуется как предмет, который обладает границами, содержанием, местоположением, степенями качества; как механизм, который нуждается в постоянной тренировке. Оппозиция «вспоминание-забвение» представляется как соотношение познавательных функций сознания. Эмпиризм относится к направлениям, демонстрирующим интерес к проблемам памяти. В философских воззрениях Дж. Локка и Д. Юма сохраняется понимание воспоминания и забвения, заданное в античной философии. Воспоминание рассматривается как приближение к совершенной памяти и противопоставляется забвению, которое считается равноценным незнанию и невежеству. Память определяется в качестве критерия идентичности, когда идет речь о личностном тождестве. Рационализм, напротив, относится к философским течениям, для которых память и забвение не являлись центральной проблемой анализа. Однако представления философов-рационалистов: Р. Декарта о врожденной идее Бога в виде знания-воспоминания, И. Канта об априорном знании – все это, с определенной точки зрения, развитие основ, заложенных Платоном.

В результате, в рамках классической парадигмы можно выделить следующие способы описания памяти и забвения:

1. *Память рассматривается как статический объект* в виде монументального хранилища, которое оберегается от разрушительной силы забвения.

2. Задается *негативная оценка забвения* как уничтожения, невежества и незнания, что необходимо преодолеть при помощи специальных мнемонических практик или технических приспособлений.

3. Память выступает в качестве *основания тождества личности*, что напрямую связывает ее, начиная с исследований Дж. Локка, с проблемами персональной идентичности. Забвение воспринимается как угроза подобному тождеству, и именно поэтому вытесняется на периферию философского анализа проблем познания, человека, истории и т.д.

4. Так как память в рамках классических теорий рассматривалась в качестве основания и способа поддержания идентичности, она связывалась с *обобщенным образом человека как субъекта, наделенного познавательными способностями*.

Однако в конце XIX, а особенно в начале XX века, осмысление отношения «память – забвение» претерпевает трансформацию, что приведет в дальнейшем к оформлению неклассических теорий памяти и забвения. Важные шаги в переосмыслении отношения «воспоминание-забвение» были осуществлены Ф. Ницше, А. Бергсоном и З. Фрейдом. Во-первых, генеалогический подход, предложенный Ф. Ницше, позволил связать темы памяти и истории. Во-вторых, забвение перестает мыслиться только в аспекте стирания знания. Онтологизация памяти в теории А. Бергсона приводит к тому, что забвение рассматривается как «затаивание» прошлого опыта, потенциально присутствующего в памяти. Психоаналитическая теория значительно обогатила представления о забвении как о форме вытесненного прошлого, которое способно управлять нашим настоящим (З. Фрейд). Все выше названные теории определили поворот в сторону неклассических теорий памяти и забвения.

В третьем параграфе: «Источники и основные положения неклассических теорий памяти и забвения» выявляются ключевые для появления неклассических теорий памяти и забвения события, развернувшиеся в трех областях социально-гуманитарного знания: истории, философии и философии истории.

В истории произошел переход к новым исследовательским, методологическим и концептуальным парадигмам, где особую роль сыграли две исторические школы: «Анналов» и микроистории. Определяющим контекстом при анализе событий оказывается сознание и самосознание человека. В школе «Анналов» оно интерпретируется как ментальность и задается в качестве главного средства изучения и реконструкции исторических процессов.

В философии подобный взгляд поддерживается постмодернизмом, который не только задал определенный вектор движения философии вообще, но и превратил историзм в одну из ведущих тем современного философствования. Переосмысление спекулятивной философии, отрицание линейной схемы исторического процесса, акценты на случайности, разрывы стали ключевыми положениями рефлексии. «Память» больше не является «неуничтожимой монументальностью», которая оберегается от забвения. Это не пассивное хранилище прошлого; это «ретроактивный процесс», парадоксальным образом распадающийся на множество форм и их интерпретации.

В философии истории намечается отказ от исследования макроаспектов истории, от построения гигантских фундаментальных проектов, выполненных в духе А.Шопенгауэра, А.Тойнби, К.Маркса. В рамках философии истории конца XX века появилась и интенсивно формируется новая форма философского осмысления отношения человека к истории. Аналитический поиск замыкается не на предмете исследования, а на познающем субъекте (Ф. Анкерсмит).

В результате, можно выделить следующие способы описания памяти как «неклассического» объекта:

1. *Децентрализация и множественность форм памяти.* В отличие от предшествующих методологических подходов, неклассические теории памяти поставили во главу угла не идею «обобщения» и «тождества», а идею «различия» и «множественности», неструктурного в структуре, нетипичного и единичного – и, тем самым, отказались от попыток создания концепции памяти

в общем виде. Память лишается единого центра, обнаруживая множественность форм и проявлений: «Память множественна, и часто разные ее проявления разделены и конфликтуют между собой» (М. Ферретти).

2. *Утрата «субъекта» в классическом понимании.* В классических теориях память связана с постижением сущности прошлого. В проблематизации отношения «память – забвение», в определении границ мнемонического пространства в рамках неклассического подхода можно увидеть отмежевание от положений классической философской традиции, концептуальный стержень которой образует понятие субъекта. Введение забвения в структуру памяти разрушает идеал самоопределенности субъекта, наделяя его «местом», «полом», «личной историей» и т.д.

3. *Память как ретроактивный процесс.* Методологические контексты употребления понятий «память», «забвение», «воспоминание» в рамках классической парадигмы связываются с фигурой исследователя – «невключенного наблюдателя», который изучает память в качестве статичного объекта: хранилища прошлого. Когда память описывается в качестве ретроактивного процесса, отметка настоящего постоянно передвигается вперед, и вместе с ней постоянно перемещается и сам исследователь, включенный в процесс воспоминания и забвения. Понимание памяти как процесса позволяет объяснить непредзаданный характер прошлого (П. Бергер).

4. *Реабилитация забвения.* Переориентация с воспоминания на забвение, с «анамнезиса» на «амнезию», которую осуществил Ф. Ницше, характерна для всех последующих размышлений на эту тему. В оппозиции «воспоминание-забвение» мы видим сначала смещение акцентов в сторону забвения (Ф. Ницше, З. Фрейд), а затем и вовсе разрушение подобного противопоставления и утверждение забвения в структуре самого «следа памяти» (Ж. Лакан, С. Жижек). Забвение не поддается осмысливанию, но направлено на диалог, встречу смыслов (М.Бланшо).

Вторая глава диссертации «Культурная память: практики памятования и забывания» состоит из трех параграфов и посвящена анализу

проблем, связанных с рассмотрением концепта «культурная память». Интерес современной философии культуры к памяти и забвению основывается на стремлении разработать такое понимание культуры, которое бы не базировалось на посылах философии сознания; в отношении памяти и забвения это, в первую очередь, означает, рассмотрение их в качестве практик, конструирующих культурное пространство и время.

В первом параграфе **«Персональное и коллективное в культурной памяти»** автор, для того, чтобы рассмотреть память и забвение в качестве феноменов культуры, обращается к проблеме соотношения коллективной и персональной памяти. Автор выделяет два подхода в изучении памяти и забвения. На одном полюсе находятся авторы, которые полагают, что «коллективная память» - это лишь метафора. В коллективной памяти, с этой точки зрения, воскрешается лишь то, что применимо на уровне индивидуальном: память есть персональный феномен. Эта линия, идущая от Платона, Августина, И. Канта, Э. Гуссерля, является продолжением традиции «внутреннего усмотрения» памяти и забвения.

На другом полюсе находятся авторы (М. Хальбвакс, Дж. Фентресс, К. Уайкем), которые активно использовали понятие «коллективная память». Исследователи подчеркивают, что хотя и подразумевается под понятием «память» некая хранимая индивидом информация, но, в конечном счете, память и забвение есть групповые феномены. М. Хальбвакс одним из первых мыслителей указал на воссоздающий характер коллективной памяти: нет памяти, способной удержать прошлое как таковое; от прошлого остается только то, что общество в ту или иную эпоху способно воссоздать в референциальных рамках настоящего (М. Хальбвакс). Таким образом, прошлое, на конструирование которого направлены практики памятования и забывания, постоянно реорганизуется сменяющимися контекстными рамками движущегося настоящего. Для дальнейшего исследования автор опирается на концепт «коллективная память», обогатив его идеями о конструктивном характере прошлого, воссоздаваемом культурной памятью: «прошлое не

вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества» (Я.Ассман).

Далее обосновывается, что культурную память предпочтительней рассматривать как пересечение коллективных и персональных форм воспоминания и забвения. Более того, проблема соотношения коллективного и персонального в памяти снимается при обращении к понятию «культурные практики». Это понятие, посредством которого можно прийти к пониманию процессуального и «непредзаданного» характера прошлого, конструируемого ими. Проблему практики развивают в своих исследованиях М. Мосс, П. Бурдьё, Э. Гидденс. П. Бурдьё под практикой понимает телесную реализацию практических схем, *габитуса*. В контексте рассмотрения культурной памяти продуктивным оказалось введение в анализ проблем памяти и забвения понятия «габитус». Это позволило разобраться: во-первых, в самой возможности употребления словосочетания «практики воспоминания и забвения»; во-вторых, определиться более четко с понятием «культурной памяти». Являясь продуктом истории, *габитус* производит практики как индивидуальные, так и коллективные. Он обеспечивает присутствие прошлого опыта, который существует в форме схем восприятия, мышления и действия. Человек обладает способностью присваивать свое отдаленное прошлое и вовлекать его в настоящую жизнь, и эта способность «инкорпорирована» в человеческую телесность. Но М. Хальбвакс, впрочем, как и П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё, не стали обобщать свои теории в направлении теории культуры. Однако выделенные ими основные понятия, структуры и закономерности оказываются востребованными для анализа культурной памяти, так как они во многом распространяются на механизмы воспроизводства культуры в целом. Таким образом, во-первых, культурная память не дана нам в качестве трансцендентной реальности, задающей координаты нашему взгляду на воспоминание и забвение в самом общем виде; во-вторых, образы прошлого конструируются и заново воссоздаются во взаимодействии людей; в-третьих,

память связана с дифференциацией прошлого и будущего; она управляет этим различием, не соотносясь исключительно с прошлым.

Во втором параграфе «Культурная память: понятие социокультурного хронотопа» через рассмотрение феномена культурной памяти мы выходим к проблеме конструирования культурного времени и пространства посредством практик «*memoria*» и «*ars memorativa*». Процесс развития культуры, осуществления передачи культурного наследия разворачивается в пространстве и времени. Указанный процесс содержит в себе, прежде всего, временной показатель. Речь идет о совместно пережитом времени людей, имеющем точки кристаллизации в виде выдающихся событий биографий, ключевых исторических дат и т.д. Вместе с тем, он “стягивается” в пространственных образах музея, архива, библиотеки и др. Таким образом, культурная память должна быть воплощена в определенном пространстве и актуализирована в определенном времени, посредством практик «*ars memorativa*» и «*memoria*».

1. Искусство памяти – «*ars memoria*» или «*ars memorativa*», глубоко укорененная, как показали исследователи Ф.А. Йейтс («Искусство памяти») и П.Х. Хаттон («История как искусство памяти») в европейской традиции практика, позволяющая выбирать определенные мнемонические пространства и, создавая образы тех вещей, которые хочешь запомнить, размещать их в знакомых местах.

2. Культура памяти – «*memoria*», которая выстраивается на формах обращенности к прошлому времени. Прошрое, и в этом состоит основной тезис исследования, является культурным конструктом и возникает лишь в силу того, что оно оказывается востребованным, и к нему обращаются. Различные типы культур демонстрируют особое отношение к тому, что воспринимается в качестве принадлежащего к прошлому.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что память и забвение активно участвуют в порождении культурного времени и пространства как свернутого хронотопа. Далее автор поднимает вопрос о

способах конструирования культурного пространства и времени посредством мнемонических практик. Практика «*memoria*» включает в себя временной показатель и связывается с конструированием «культурного времени». Практика «*ars memorativa*» - пространственный показатель и направлена на конструирование «памятных мест» (П. Нора). В итоге, дается следующее определение культурной памяти: культурная память – это структура удержания прошлого в настоящем, направленная на конструирование социокультурного пространства и времени, смысл которой определяется различием воспоминания и забвения.

В третьем параграфе «Практики «*ars memorativa*» в пространстве культуры» автор рассматривает логику трансформаций практики «*ars memorativa*» в культурно-историческом контексте. «*Ars memorativa*» в качестве практики, меняла свое назначение от одного типа культуры к другому: от техники нанесения татуировок и меток на тело в архаической культуре до искусства, воплощенного в конструировании биографического проекта в эпоху современности. В самом общем виде, «*ars memorativa*» определяется как практика, борющаяся с забвением и приближающая к совершенной памяти, что отражает общую характеристику западноевропейской культуры как «одержимой памятью» (Ф.А. Йейтс). «*Ars memorativa*» с ее культом порядка в отношении как мест, так и образов, была также методологическим упражнением, что и взяла на вооружение новоевропейская наука. Анализируемая практика была не просто способом тренировки естественной памяти, она связывалась с основными смыслами культуры того или иного периода. Изменение содержания практики «*ars memorativa*», практик воспоминания и забвения зависело от определяющих тот или иной тип культуры представлений о мироустройстве, положении человека, в формах коммуникации, в системе информационных технологий и т.д.

В третьей главе исследования «Этика взаимного незабвения»: аксиологические основания культуры памяти» рассматриваются основные положения культуры памяти, основанной на принципе «взаимного незабвения»,

и анализируется логика трансформаций практики *«memoria»* в культурно-историческом контексте.

В первом параграфе «Культура памяти»: аксиологический и генеалогический подходы» ставится и рассматривается вопрос о назначении и смысле практики *«memoria»* в культуре. «Культура памяти» - это всегда незабвенное отношение к Другому в горизонте умирания и смерти. В этом состоит этический смысл указанной практики.

При рассмотрении этического смысла культуры памяти выделяются два подхода: аксиологический и генеалогический. Интерес к аксиологии памяти в значительной мере характерен для отечественной философской мысли, что нашло свое воплощение в размышлениях русских философов: Н. Федорова о воскресающей способности памяти, Н. Бердяева об исторической памяти, И. Ильина о воспитании доброго памятования. В рамках аксиологического подхода память понимается как хранительница смыслов и ценностей культуры. Забвение рассматривается как угроза беспамятства или уничтожения, поэтому определяющим смыслом и содержанием культуры памяти становится победа над смертью и забвением.

Генеалогический подход (Ф.Ницше, Ж. Делез) отрицает неизменность и абсолютность ценностных предпочтений и всеобщее назначение памяти как хранительницы. Генеалогический подход предполагает описание конкретного множества причин возникновения памяти и забвения, включающего определенные условия и реальные проявления человеческой совместности. Генеалогия не противопоставляет себя истории, но отрицает надисторическое развертывание смыслов культуры. Соединяя историческое и конструктивное отношение к образцам культуры, опирающееся на традицию и прошлого, и признание многоголосия ценностных предпочтений, автор приходит к формулировке принципов «этики взаимного незабвения» как формы отношения «Я-Другой».

Этот мотив разворачивается нами во **втором параграфе «Этика взаимного незабвения»: принципы культуры памяти.**

Практика *«memoria»* направлена на удержание знаний о совместно пережитом времени, о людях, умерших или отсутствующих. Ядро изучения *«memoria»* составляют два обязательных момента:

1. *«Memoria»* как коммуникация является собой форму отношения «Я – Другой», и это всегда коллективный феномен.
2. *«Memoria»* как практика должна рассматриваться комплексно: в этическом и религиозном отношении – как практика поминовения мертвых живыми; в социальном и правовом – как способ утверждения сообщества живых и мертвых.

Идеи Н.Федорова, М. Бахтина, В.С. Библера, Э. Левинаса составляют концептуальный каркас «этики взаимного незабвения», основанной на принципе: «Помни о прошлом и грядущем. Действуй для тех, кто сам действовал, и действуй так, чтобы другие в будущем действовали ради тебя» (Я. Ассман). Идея о памяти-долге нашла свое воплощение в размышлениях русского философа Н. Ф. Фёдорова о воскрешении умерших отцов в изучающей памяти потомков. «Память-долг», по мысли Н. Федорова, есть проект будущего, обосновывающий ценностное отношение к умершим предкам.

В итоге, прояснив этические основания практики *«memoria»*, основанной на принципе «взаимного незабвения» по отношению к Другому, автор в **третьем параграфе «Практики «memoria» в пространстве культуры»** обращается к анализу форм ее проявления в культуре как практики, определяющей ценностные формы отношения к прошедшему времени и реализующейся через поминовение умерших.

В ходе исследования, мы установили, что *«memoria»* претерпевает практически такие же трансформации, как и практика *«ars memorativa»*. Рассматриваемая практика меняла свое назначение от одного типа культуры к другому: от практики «восстановления» в настоящем поминаемого человека (литургический смысл), практики «договорных» отношений между живыми и мертвыми (социально-правовой смысл) до исторической или нарративной

формы выражения. «Memoria» является практикой, конструирующей культурное время: объединяя прошлое и настоящее, она направлена в будущее, как проект сохранения памяти у потомков.

В заключении подводятся основные итоги работы и намечаются дальнейшие перспективы исследования темы. Результаты исследования могут быть сформулированы в качестве **тезисов, выносимых на защиту:**

1. Память и забвение выступают как взаимосвязанные феномены культуры. Память – это не только хранилище прошлого, но и «ретроактивный процесс», дифференцирующий прошлое и будущее. Смысл мнемических следов ретроактивно конструируется в настоящем и транслируется в будущее.
2. На основе сравнения двух парадигм в исследовании памяти и забвения выделено две соперничающие версии памяти: а) память как хранилище прошлого (Августин, Дж. Локк, Н. Федоров и др.); б) память как «ретроактивный процесс» (Ж. Лакан, С. Жижек, Н. Луман и др.), а также, соответственно, две противоположные теории забвения: а) забвение как утрата доступа к прошлому, стирание и уничтожение мнемических следов (Платон, Аристотель, Дж. Локк и др.); б) забвение как резерв, условие восприятия нового (Ф. Ницше, А. Бергсон, З. Фрейд и др.).
3. Культурная память рассматривается как структура удержания прошлого в настоящем, направленная на конструирование культурного пространства и времени, смысл которой задается различием воспоминания и забвения.
4. Культурная память воплощается в определенном пространстве и актуализируется в определенном времени посредством практик «*ars memorativa*» и «*memoria*».
5. «*Ars memorativa*» направлена на конструирование социокультурного пространства. Она создает пространства памятных мест, связанных с основополагающими смыслами культуры того или иного периода. В ходе развития культуры, «*ars memorativa*» претерпела множество

трансформаций: от телесной записи социального кода до риторических приемов запоминания; от магической практики до педагогики памяти; от методологических упражнений до искусства, воплощенного в конструировании биографического проекта.

6. «*Memoria*» направлена на конструирование социокультурного времени: объединяя прошлое и настоящее в одном измерении – в форме обращенности к умершим, она направлена и в будущее как проект сохранения памяти у последующих поколений. «*Memoria*» является практикой, реализующейся через поминовение умерших.
7. Память и забвение как феномены манифестируют себя через коммуникацию «Я-Другой», образующую универсальную антропологическую структуру формирования субъективных ценностных ориентаций в жизненном мире и основу «этики взаимного забывания».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1) Проблема культурного воспроизводства в социальной теории (в соавторстве с Д.В. Лебедевым) // Культура & Общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств – Электронный журнал. – М.: МГУКИ, 2004. - № гос. регистрации 0420600016. – Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Lebedev.pdf>, свободный – Загл. с экрана. (0,5 п.л.)
- 2) «Этический реквием» М.М. Бахтина: «смерть для себя» и «смерть другого» // Памяти М.М. Бахтина: Материалы научной конференции. – Екатеринбург, 2000. – 66с.– С. 25-27 (0,1 п.л.)
- 3) О проблеме наследия памяти в пространстве культуры // Культура. Власть. Общество: Пути интеграции. Сборник материалов научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2002.– 154с. – С.115-117 (0,1 п.л.)

- 4) Проблема культуры «исторической памяти» // Мировоззрение как социокультурный феномен: Материалы Всерос. науч. конф. «Мировоззрение и культура». – Екатеринбург, 2002. – 400с. – С.310-313 (0,2 п.л.)
- 5) Искусство памяти: психологический и этический аспекты // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук. Седьмой конкурс научных работ студентов высших учебных заведений Свердл. обл. Сборник тезисов работ-призеров. – Екатеринбург, 2003. – 134с. – С.31-33. (0,2 п.л.)
- 6) Свобода "между": ритуально-мнемонический аспект (в соавторстве с Лебедевым Д.В.) // Коллизии свободы в постиндустриальном обществе: Материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2003. – 776с.– С.80-82. (0,1 п.л.)
- 7) Деформации памяти и забвения в пространстве современной культуры // Человек в мире культуры. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – 266 с.– С.56-59 (0,2 п.л.)
- 8) Проблема памяти и забвения в современной культуре // Информационная эпоха: Мир - Россия - Урал. Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – 448 с. – С. 202-205 (0,2 п.л.)
- 9) Трансформации памяти и ритуала в современной культуре (в соавторстве с Д.В. Лебедевым) // Актуальные проблемы культурологии. Тезисы Международной научной конференции аспирантов и студентов.– Екатеринбург, 2004.– 112 с. – С.15-18 (0,2 п.л.)
- 10) Память и забвение: проблема этического осмысления // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук. Сборник тезисов работ-призеров.– Екатеринбург, 2005. – 160с. – С. 30-32 (0,1 п.л.)
- 11) Проблема репрезентации прошлого в исторической памяти // Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России: VIII научно-практическая конференция. – Екатеринбург, 2005. – Т.1.– 548с. – С. 194-197 (0,2 п.л.)

- 12) Память и забвение как феномены культуры // К 40-летию философского факультета: Труды преподавателей кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры. – Екатеринбург, 2005. – 104с. – С.50-68 (1 п.л.)
- 13) Коллективное и персональное в исторической памяти // К 40-летию философского факультета: Труды аспирантов и докторантов. – Екатеринбург, 2005. – 122 с. – С.46-49 (0,25 п.л.)
- 14) «Память» и «забвение» в пространстве этического описания: аксиологический и генеалогический подходы // К 40-летию философского факультета: Труды аспирантов и докторантов. – Екатеринбург, 2005. – 122 с. – С.50-55 (0,35 п.л.)
- 15) Образование как стратегия ментальной толерантности // Толерантность как практическая философия педагогики: Коллективная монография. – Екатеринбург, 2005. – С. 164 - 188. (1,5 п.л.)
- 16) Роль памяти и забвения в процессе конструирования культурного ландшафта // Туризм и гостиничный бизнес. Материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2006. – 332с. – С. 248-252 (0,25 п.л.)
- 17) Власть и властные отношения в пространстве памяти // Власть и властные отношения в современном мире: Материалы IX научно-практической конференции, приуроченной к 15-летию Гуманитарного университета. – Екатеринбург, 2006. – Т.1. – 652с. – С. 140-142 (0,1 п.л.)
- 18) Проблема классического и неклассического способов описания социокультурных феноменов (в соавторстве с Д.В. Лебедевым) // Сумма философии: Сб. науч. тр., Вып. 5. – Екатеринбург, 2006. – 232с. – С. 84-90 (0,4 п.л.)

Подписано в печать . Формат 60х84/16
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 1,5
Заказ № .Тираж 100.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
Г.Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

